

Plas, Piter

Дискурсивные процессы формирования коллективных (этнокультурных, этноязыковых) идентичностей в ранних южнославянских этнографических монографиях

Etnolingwistyka 20, 367-376

2008

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Питер Плас
(Гент)

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ
КОЛЛЕКТИВНЫХ (ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ,
ЭТНОЯЗЫКОВЫХ) ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В РАННИХ
ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
МОНОГРАФИЯХ

Autor omawia niektóre konkretne sposoby prezentowania „tożsamości ludowych” w pracach etnograficznych w terenie północnej Dalmacji. Pochodzą one z końca XIX w. i osadzone są w kontekście wczesnych badań etnograficznych Słowian Południowych. Prace te wyrastały z programów akademickich, których celem było stworzenie opisów opartych na standardowych i szczegółowych ankietach. Przyjmując perspektywę pragmatyczną analizy dyskursu, autor omawia wiele fragmentów prac, wskazując na te ich aspekty, które mają znaczenie w tworzeniu tożsamości grupowych przez eksponowanie opozycji „my” i „oni”. Analiza odkrywa różne strategie budowania tożsamości wyrażające z tekstu.

В данной статье хочется обратиться к теме «своего» и «чужого» в тех этнографических текстах о народной культуре конца XIX — начала XX в., которые как часть академических программ были написаны «грамотными людьми из народа», являющимися одновременно информантами — носителями народной культуры и этнографами. Среди прочего от этих народных этнографов требовалось не только информировать об обычаях, верованиях и фольклорных формах, но и описывать природное окружение, материальные условия жизни и народную ментальность своего края и деревни. Чаще всего подобные описания составляют вступительную часть таких монографий. Именно эти вступительные тексты интересны как исторические источники и особенно как объект этнолингвистического дискурсивного анализа для познания и реконструкции местных коллективных (этнокультурных) идентичностей. В них можно наблюдать многие как прямые, так и косвенные языковые и дискурсивные процессы формирования идентичности. На примере одного хорват-

ского этнографического текста хотелось бы показать некоторые такие процессы формирования «своей» и «чужой» идентичности, как в их языковом, так и в культурном, этническом, конфессиональном, социальном, гендерном и локальном аспектах. Надеемся также показать, что такая «автохтонная» этнография в значительной мере ставит под вопрос гомогенные и однозначные концепции этнокультурной идентичности — или скорее подтверждает проблематичный характер этих концепций.

В качестве репрезентативного текста здесь рассматривается первая часть обширной монографии о народной жизни и культуре в полиэтничном или, лучше сказать, поликонфессиональном крае Буковица в северной Далмации, написанной в конце XIX в. Владимиром Ардаличем (1857–1920), финансовым чиновником из деревни Джеврске (Đevrske) (Ardalić 1899, 1900, 1902). Он описывает повседневную жизнь в гористой сельской области со смешанным православным и католическим населением из крестьян-скотоводов, которые поддерживали торговые отношения с жителями ближних приморских городов. Два обстоятельства определяют специфику этого этнографического текста. Во-первых, текст был создан в рамках этнографической программы ранней Югославской Академии Наук. Он был написан на основе обширного вопросника, разработанного и опубликованного Академией (Radić 1897)¹, и напечатан в первых выпусках академического «Сборника о народной жизни и обычаях южных славян» (ZNŽO). Следовательно, текст окрашен диалогическим характером взаимодействия локального автора-информанта с академическим вопросником, хотя автор как информант довольно независимо следует своему курсу. Так, например, он дает больше эксплицитной информации о локальных категоризациях «своих» и «чужих» групповых идентичностей, чем требуется вопросником. Во-вторых, текст согласно требованиям той же самой этнографической программы (Radić 1897: 14–15) написан на локальной разговорной речи автора-отвечающего, чтобы служить и источником сведений по диалектологии. Это усиливает «устный» характер текста и делает текст частично «повествовательным фольклором». Таким образом, «язык местности и местной идентичности» поэтически, ритмически и структурно определяет этнографический дискурс.

Обсудим несколько подходящих фрагментов, следуя за хронологическим развертыванием текста. Мы покажем языковые и текстовые элементы, имеющие значение с точки зрения формирования коллективных идентичностей. Эти элементы включают: различные сочетания атри-

¹Об академическом вопроснике Антуна Радича и начале хорватской этнографии см. (Šaro Žmegač 2001: 72–75; Prisa 2001: 68 и след.; Rihtman Auguštin 2001: 43–54).

бутов, квалификаций и предикатов с топонимами, этнонимами и другими групповыми именами, которые могут интерпретироваться как социокультурные стереотипы; использование в этой связи разных видов личного, временного и пространственного дейксиса; разного рода presupпозиции и импlications; интертекстуальные ссылки на академический вопросник; и т. п.²

Во вступительном описании местности и населенных пунктов большую часть текста занимают ассоциации топонимов с локальной историей и устной литературой (народными легендами и песнями). Географические данные о Буковице дополняются и разрабатываются ассоциативными цепочками *Равни Котари — герои — героические песни* и *Буковица — гайдуки — гайдуцкие песни*. Автор добавляет и один мини-рассказ (о гайдуке Кутлаче):

Kraj. Bukovica se prostire, i za'vaća dijo sjeverne Dalmacije: Obrovačka nemalo općina sva, benkovačka to tako, kistanjska općina sva je, što se zove Bukovica; selo Đevrske spada pod Bukovicu, koje je općine skradinske, i koje je na međi Ravnije' Kotara, oklen su junaci bili, kao: Janković Stojan, Smiljanić Ilija, Močivun Vuk i još drugije' dosta ima, od kojie' se pjesme uz gusle pjevaju. U Bukovici su ajduci bivali te i od nji' pjesama puno i puno ima, kao što su: arambaše ajdučke bili Drača i Kutlača. Kutlača je ubijo devet Jovana, devet svoi' imenjaka, za koga je guveran 50 'iljada onda i zgoljnije' cvancika' potrošijo, dok ga je živa u'vatijo; od koga ima velika pjesma, što sljepci o godovije' uz gusle pjevaju po kućami, đe ima zvanica (gostiju) (Ardalić 1899: 113).

Надо отметить, что с понятием края для местного автора (и для локальных информантов, которых он замещает) связаны определенные культурные атрибуты и предикаты, ценности и позиции (перспективы), которые он здесь дискурсивно (т. е. вербально, нарративно) «исполняет». Данное описание Ардалича свидетельствует о символично-географическом, нарративно и исторически маркированном культурном концепте края и местности. Это существенно противоречит эмпирическому настроению академического вопросника, в котором требуется строго топографическая, географическая и демографическая информация.

Перечисление населенных пунктов во втором абзаце показывает, что локальное (или по крайней мере авторское) восприятие «места» имеет значительные конфессиональные признаки:

²При этом мы опираемся на этнолингвистические, прагматические и антропологические работы по формированию идентичностей и по социокультурным стереотипам, особенно в связи с созданием этнографического дискурса (например, Silverstein & Urban 1996; Coupland 1999; Silverstein 2003, 2004; Bauman 2004; Reyes 2004; Urciuoli 2004; Бартмицкий 2005).

Mjesta. Medviđa je naj jače selo u sred Bukovice. Tu su nemal svi *katolici*. Ovo je daleko selo od Đevrсака priјekim putom за deset milја. — Nami медаши selo Nunić, де су *kršćani* i 'rišćani *izmješati*, kamo je i crkva sv. Ante, i парок je tu *kršćanski*. — I Kistanje, kamo je općina, i sud, *katolika* ima; sudski су svi činovnici, a i dućan јedan samo *katolički* ima, a ono су sve *pravoslavni*, ili ti 'rišćani. Ispod нас u selu Ostrovici 5 kuća *katoličkije*' ima, kamo se nalazi i crkvice sv. Ante. U јug našeg sela медаши Bribir. I tu imadu три kuće imučne *kršćanske*. — Za јedno три do četри milје od нас nalazi se selo *katoličko* Vačane, u kom ima samo јedna *pravoslavna* kuća bogata. Tako isto u Dobropolјcije', јednake dalečine, ka i do Vačani, ima pet kuća *katoličkije*', a zna se, kad nije bilo nijedne, nego sve *pravoslavni*. Ni selo Rupe nije daleko od нас, bi' će do nji' 4–5 milја puta. A Ićevo je još bliže. U Rupa' ima 7 kuća *pravoslavniје*', ali kako су one postale, stvar je smiješna, ali je istinita (Ardalić 1899: 113–114).

Ритм и структура этого абзаца как бы целиком определяются переменным употреблением конфессиональных названий. Названия пока нейтральные: *katolici* или *kršćani* для католиков, 'rišćani или *pravoslavni* для православных. (В монографии, кстати, отсутствуют соответствующие «хорватские» и «сербские» этнонимы; в связи с этим см. Rihtman Auguštín 2001: 114–116.) Чередование конфессиональных названий в дискурсе комбинируется с дейктической референцией, собственно пространственным и личным дейксисом — с деревней автора в качестве индексного, или дейктического, центра дискурса.³

Следующий фрагмент относится к описанию народа и народного характера. Ардалич сначала определяет региональные различия между жителями Буковицы (все они *Bukovičanci*, невзирая на конфессию) и так называемыми Бодулами (*Boduli* — пренебрежительное прозвище для жителей соседнего приморского края). При этом оппозиция строится прежде всего посредством указания физиогномических атрибутов (предикацией физиогномических характеристик). Употребление обобщающих и абсолютных выражений (*sve, svi, nikakve, sav*) тоже имеет стереотипизирующий и гомогенизирующий эффект:

U *Bodula*, — u koje' je sve drugovačije: nošnja, govor pa i obličav; *Boduli* су svi plavi, i бјеле kože, žučkasti, a ženske im *nikakve crnomanjaste* nema — život je sav u nji' drugovači. Bogomolјni су od *pravoslavniје*' i od *katolika*, koi u *Bukovici* živu [...] (Ardalić 1899: 116).

Далее Ардалич характеризует топографическо-географическое и символическое пространство Буковицы, различая три региональных образа жизни (от приморья до горной местности), между которыми деревня Джеврске занимает промежуточное положение:

Razlike u življenju. (Duboka Bukovica, Donji Svijet, Boduli). Narod *jednako* živi роćimlјajući od *bliže mora*, t.j. od *Bodulâ*, pa *sve do planinâ ili ti turske меде* (Bosne).

³Об обширной типологии дейктической референции см. (Hanks 1992).

Mi, koi smo bliže mora, vele, da smo bliže i Boga, jer moremo, što 'očemo cijenje dobiti, jer nam nije daleko otići pazariti na svoje' konije'. A onijem, koi su daleko, a ima ij, da njesu mora ni vidli, oni u trgovaca svoje' kupe, ono plate duplo, što mi jednojstruko na majdenu t.j. u trgovaca morski' (Ardalić 1899: 117).

Говоря о конфессиональных различиях внутри Буковицы, автор сначала заявляет, что «православные и католики по всему этому краю живут одинаково». Однако потом он говорит о *речи* (*govor*) как критерии дифференциации. Становится ясным, что речь на локальном уровне считается одним из основных маркеров конфессиональной групповой идентичности. Языковые или речевые различия соотносятся с локальной религиозной дифференциацией и даже определяют ее:

Razlike u vjeri. Pravoslavni i katolici na sve ove krajeve jednako život imaju. Govor im je različit: pravoslavni govore: đe, a katolici: di; ovi: bjelo, a oni: bilo; ovi: vjere mi reku, a oni: vire mi; sikira reku jednako svi. U ni' jednije' ovda, koi su dale od grada, ne more se opaziti u govoru nikakvu f ni h: na mjesto reći: fala, oli: jorin, oli: fratar, oni svi reku: vala, vijorin, i vratar; na mjesto reći: vide ih — oni kažu: vide ij. Rijedko će koi reći jednom gospodinu: Vi, nego: ti; a kad su dva, ili ij je više, onda reku: Vi gospodo, oli: Vi gospodari (Ardalić 1899: 122).

Конфессионально-языковая дифференциация в Буковице в этнографическом дискурсе строится на основе воспринимаемых как типичные фонетических различий между так называемой йекавицей и икавицей, в произношении определенных лексем представленных как репрезентативные (*đe/di, bjelo/bilo, vjera/vira*). Здесь нужно отметить и использование «близостного» демонстративного дейксиса (*ovi* как индекс близости к говорящему) в отнесении к православным и «дальностного» — в отнесении к католикам (*oni* как индекс удаленности от говорящего). В том же абзаце прочие диалектные фонетические или фонологические различия соотносятся с символическо-топографическим региональным различием между жителями деревни (которые находятся «здесь») и горожанами (в приморье, «там»); кроме того, Ардалич кратко характеризует обычное использование местоименных обращений ('ты'/'вы').

Этот абзац имеет ключевое значение для интерпретации того, к каким группам, возможно, принадлежит сам автор: здесь становится ясным, что язык этнографического дискурса — как и в предыдущих и следующих частях монографии — означает (йекавскую) православную деревенскую идентичность со всеми сопутствующими прочими квалификациями. В данном описании языковых различий можно распознать локальные конкретизации прагматическо-семиотических процессов, которые были названы лингвистическими антропологами «иконизацией» и «индексной иконичностью» (см., например, Irvine & Gal 2000: 37–38).

Так, фонетические и фонологические вариации в определенных лексемах становятся оперативным индексно-иконическим (и метонимическим) знаком речевых или диалектных различий вообще, которые, в свою очередь, соотносятся с формированием или восприятием социокультурных различий на конфессиональном и региональном уровнях.

Следующий фрагмент представляет собой разработку локальной системы конфессиональных идентичностей. Автор обсуждает взаимоотношения православных и католиков, их оскорбительные прозвища (*rkaći*, *bunjevci*) и стереотипные представления, выражаемые, среди прочего, обоюдным приписыванием демонизирующих предикатов (*bunjevci (se) vukodlače* <буневцы становятся вампирами>, *pravoslavni postaju očajnici* <православные становятся отчаянными>, т. е. не распадаются в могиле):

Pravoslavne katolici zovu za poruganiju: rkaći, i da se krste mačijom nogom; a pravoslavni zovu katolike bunjevcima isto za podruganiju, i da se krste lopatom. Jedni drugom nadjevuju imena od svake vele, ne to, da im divane iza leđa jedan drugom, nego sve u oči, ili oko na oko. [...] Tvrdo vjeruje se, da se bunjevci vukodlače, a pravoslavni da postaju očajnici, t.j. u grebu ne raspane se: toga drže za griješnika, da je bijo živ (Ardalić 1899: 123–124).

В части монографии, которую Ардалич посвящает жизни в семье и в семейной общине, сходные дискурсивные процессы перемещаются на дальние микроуровни формирования коллективной идентичности. Это уровень больших семей, так же как и взаимоотношений между семьями и семейными общинами внутри деревни, — базовый уровень локального дискурсивного формирования групповой идентичности. Ардалич подробно рассматривает локальные понятия о так называемых чужих-пришельцах — это категория мужчин из другой деревни, которые вошли в семью жены через женитьбу:

U obće na tako zvane uljese (!) dobrim se okom ne gleda. Reku im: da su se prodali, ili da su se oni udali, da su ušli u laštvo, i da su dovedeni. Otprije, kažu, da bi progonili tē. Kogod nije svoj rođeni seljanac, reče mu se devorac, a iz devorja mučno trpe u selu, pa makar bijo iste vjere, svakako broi se za devorca. [...] Ako se s kim ti uljesi za što poinade (što se često događa), odma' mu reku: "Muči, pridošlico i dovedene! Ajde u svoje selo, oklen si došao, pa zapovjedaj, a ovđe lje ne ćeš, niti što svoga imaš!" Tako taj mora da guca i muči i da svakom ugađa, ako misli u miru biti i u selu obstati, štono se kaže, valja da bude "silom prijatelj" [...] (Ardalić 1899: 204–205).

Эта семейная категория на самом деле почти совпадает с более общей «деревенской» категорией чужих. Кроме уже упомянутых мужчин, к ней относятся, например, приемные или внебрачные дети. Если рассматривать общественные микроуровни, такие как родство, семья, община и деревня, то данная социально-культурная категория «чужих»

по сравнению с конфессиональными категориями оказывается равно, если не более, значимой и функциональной. В этом разделе появляются следующие основные термины локальной идентичности: с одной стороны, *svoj* <свой>, *rođeni* <родной>, *seljanac* <селянин>, а с другой — *tuđinac* <чужой>, *došljak/pridošlica* <пришелец>, *uljez* <вторгшийся> и как общий термин *devorac* <человек извне>. Эти термины-категории вполне функциональны, и одновременно они пересекаются с этноконфессиональными и другими внутри- или внегрупповыми атрибутами или предикациями.

В качестве примечания к этому тематическому разделу автор разъясняет свое собственное положение внутри деревенского сообщества. В частности, он позиционирует свою идентичность по отношению к крестьянам и горожанам при помощи региональной, а не конфессиональной терминологии. Этот метадискурсивный пассаж также касается вопросов авторитетности и достоверности этнографического описания.⁴ Ардалич указывает на то, что он пользуется полным доверием крестьян и поэтому способен достоверно передавать аутентичную информацию об их жизни:

Kako sam rođen na selu, tako i stoim među seljakma, dapače i moja vamilija jest upravo seljačka, kamo nas ima dobričak, da baš, malo ja gospodom općim, sa svim što nosim kaplaet, ka i oni. Ali će njesam rođen u gradovije pri moru i će debelijem glasom divanim naškim jezikom svakud, a ne latinskim, ka oni tanko, zato vele mi, da sam vlajo, ka i ostali težaci. Oni se ne denjaju našim težakom niđe divaniti ni općiti, bježe od njega, ka od vuka, samo će nije rođen u gradu i će ne nosi škriļjak. A ja težake ljubim, bratim se. Same sam djece držao na krstu do sad pedeset i petero, koe su zdravi i živi i ciglo. Zato vele, da sam sretne ruke, pa trču meni svi me zvati [...]. Tako općeci š njima i kumeći se dobro poznajem njeve radosti i žalosti, pa i svake mane, i uzroke, zašto se djele (Ardalić 1900: 24, прим. 1).

То, как Ардалич характеризует самого себя, почти полностью соответствует нормативному профилю идеального информанта-этнографа, который предписывался академическим вопросником. Это профиль грамотного, умного крестьянина или грамотного горожанина, у которого есть родственные связи с крестьянами:

Najuspješnije bi mogli sabirati građu pametniji pismeni seljaci. Taki neka uzme "Osnovu", neka čita i neka piše, što zna. [...] Jednako će uspješno sabirati ljudi, koji su rođeni u narodu, pa u njem imadu roda, kumova, prijateljā. [...] Od njih se najviše očekuje (Radić 1897: 73).

В заключение можно сказать, что локальная коллективная народная идентичность в этом случае, как и во множестве других, не яв-

⁴Ср. Gal 1989; Silverstein & Urban 1996; Bauman 2004.

ляется однозначной гомогенной данностью, как это подразумевается в академическом вопроснике. Очевидно, что у местных носителей языка и культуры имеется в распоряжении широкий диапазон категорий и характеристик, которые дают возможность постоянного конструирования и воспроизведения в дискурсе, в том числе в дискурсе этнографического описания, многих одновременно существующих групповых идентичностей (ср. Urciuoli 2004; Blommaert 2005: 207–224). Конфессиональность в комбинации с языковыми или речевыми особенностями при этом является только одним, хотя и особенно заметным, критерием категоризации. Этничность как категория в этом контексте становится уже достаточно проблематичной.

Измерения и возможные дискурсивные стратегии формирования идентичности, которые проявляются в тексте Ардалича, представлены в следующей схеме. Однако ясно, что функциональность этих видов идентичности в их временном и пространственном контексте нельзя отделять от их фактического перформативного выражения в исследованном дискурсе.

Дискурсивное формирование идентичности в (Ardalić 1899–1900): измерения, категории, предикации

МЫ	ОНИ
1. Джеврске — уровень родства и деревенского сообщества <i>свој (svoj)</i> родной (<i>rođeni</i>) обитатель (в доме) (<i>ukićanin</i>) селянин (<i>seljanac</i>)	<i>чужој (tuđinac)</i> пришелец (<i>došljak</i>) вторгшийся (<i>uljez</i>) человек извне (<i>devorac</i>)
2. Буковица — локальный этноконфессиональный уровень <i>православне</i> <i>pravoslavni/rišćani</i> йекавица (<i>de, bjelo</i>) <i>rkaći</i> крестятся кошками лапами не распадаются в могиле	<i>католики</i> <i>katolici/kršćani</i> икавица (<i>di, bilo</i>) <i>bunjevci</i> крестятся лопатами становятся вампирами
3. Северная Далмация — региональный символично-географический уровень	
За. <i>Bukovica/Duboka Bukovica</i> верхний мир едят желуди трезвые, мирные (молоко) гайдуки (Драча, Кутлача)	<i>Donji svijet/Ravni Kotari</i> нижний мир лихорадочные, едят фиги пьяные, вздорные (вино) герои (Янк. Стоян, Смил. Илья, Моч. Вук)
3б. <i>Bukovičan(c)i</i> горы, гористая глубина страны скотоводство, пастушество ружье (здравый смысл) смуглые, темноволосые <i>v, j (vala, ij)</i>	<i>Boduli</i> приморье пахотное сельское хозяйство, торговля четки (набожность) бледные, белокурые <i>f, h (fala, ih)</i>
Зв. <i>селяне/крестьяне</i> горы, гористая глубина страны деревня не носят шляпы родной язык, низкий голос	<i>горожане/господа</i> приморье город носят шляпы латинский/итальянский язык, высокий голос

Литература

- Бартми́нский Ежи. *Стереотип как предмет лингвистики* // Бартми́нский Ежи. *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. Москва: Индрик, 2005. С. 133–157.
- Ardalić Vladimir. *Bukovica: Narodni život i običaji* // *ZNŽO, IV*. 1899. S. 113–126, 196–220.
- Ardalić Vladimir. *Bukovica: Narodni život i običaji* // *ZNŽO, V*. 1900. S. 1–50.
- Ardalić Vladimir. *Bukovica: Narodni život i običaji* // *ZNŽO, VII*. 1902. S. 236–294.

- Bauman Richard. *A World of Others' Words. Cross-Cultural Perspectives on Intertextuality*. Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2004.
- Blommaert Jan. *Discourse: a critical introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Coupland Nikolas. 'Other' Representation // Verschueren J., J. Östman, J. Blommaert, C. Bulcaen (eds.), *Handbook of Pragmatics*, 1999. Amsterdam, Philadelphia. 1999.
- Čapo Žmegač Jasna. *Antun Radić und die Volkskunde der Gegenwart* // Čapo Žmegač J., Johler R., Kalapoš S., Nikitsch H. (eds.) *Kroatische Volkskunde/Ethnologie in den Neunzigern*. Wien: Verlag des Instituts für Europäische Ethnologie, 2001. P. 69–92.
- Gal Susan. *Language and Political Economy* // *Annual Review of Anthropology*, 18. 1989. P. 345–367.
- Hanks William F. *The Indexical Ground of Deictic Reference* // Duranti A. & Goodwin C. (eds.) *Rethinking Context. Language as an Interactive Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 46–76.
- Irvine Judith, Gal Susan. *Language Ideology and Linguistic Differentiation* // Kroskrity P. (ed.) *Regimes of Language. Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe: SAR Press, 2000. P. 35–83.
- Prica Ines. *Mala europska etnologija*. Zagreb: Golden Marketing. 2001.
- Radić Antun. *Osnova za sabiranje i proučavanje građe o narodnom životu*. Zagreb: Dom i Svijet. 1997 (1897).
- Reyes Angela. *Asian American Stereotypes as Circulating Resource* // *Pragmatics*, 14/2–3. 2004. P. 173–192.
- Rihtman Auguštin Dunja. *Etnologija i etnomit*. Zagreb: ABS95, 2001.
- Silverstein Michael. *Indexical Order and the Dialectics of Sociolinguistic Life* // *Language and Communication*, 23. 2003. P. 193–229.
- Silverstein Michael. "Cultural" Concepts and the Language-Culture Nexus // *Current Anthropology*, 45/5. 2004. P. 621–652.
- Silverstein Michael, Urban Greg (eds.). *Natural Histories of Discourse*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1996.
- Urciuoli Bonnie. *The Discursive Emergence of the Cultural Actor* // *Pragmatics*, 14/2–3. 2004. P. 257–261.
- ZNŽO — *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*. T. I... Zagreb, 1896–...

DISCURSIVE PROCESSES OF COLLECTIVE IDENTITY FORMATION
IN EARLY SOUTH SLAVIC ETHNOGRAPHIES

The paper examines specific discursive realizations of "folk identities" in a north Dalmatian ethnographic account from the end of the nineteenth century in the context of early South Slavic institutional-ethnographic practice. Texts such as these were produced as part of academic programmes involving the production of local and regional ethnographies by "literate from the people" in response to standardized elaborate questionnaires. Adopting a pragmatic/discourse-analytic perspective, our analysis deals with a number of relevant fragments and indicated those aspects of linguistic/textual discourse that are significant for constructing group identities as "us–our" vs. "them–of the other". The analysis reveals the different levels and processes of discursive identity formation that emerge from the text, and suggests that systematic attention to such processes is indispensable if a reliable historical pragmatics of "ethnographic reality", including the notion of "identities", is hoped for.